

Светлана Куксина

Радуга над головой

16+

Светлана Куксина

Радуга над головой

«Автор»

2011

Куксина С. Н.

Радуга над головой / С. Н. Куксина — «Автор», 2011

Три подруги, такие разные, сообща преодолевают жизненные трудности и с уверенностью смотрят в будущее. Пока они вместе, им ничего не страшно.

© Куксина С. Н., 2011

© Автор, 2011

– Люська! Мать твою..! Опять бланш под глазом! – не сдержавшись, громко зашипела интеллигентно выглядящая Татьяна, когда мы с Люськой подошли к ней почти вплотную. Её элегантное летнее платье, туфли, купленные за бешеные деньги, ухоженное лицо и руки и безукоризненная причёска совсем не предполагали, что их обладательница знакома с подобной лексикой.

Я – то, конечно, знала, что знакома (и ещё как знакома!). Моя подруга может выдать что и похлеще. Но люди, проходящие мимо нас в этот момент, не подозревали о способностях Таньки, поэтому некоторые бесцеремонно, с откровенной ухмылкой пялились и на неё, и на нас с Люськой, а кто-то, бросив мельком укорованный взгляд, торопился пройти мимо. Хорошо воспитанных индивидуумов, старательно делающих вид, что не заметили оплошности элегантной дамы, рядом в этот момент не оказалось. Любопытны наши земляки. Ох, любопытны.

Шедший мимо парень усмехнулся и с любопытством посмотрел сначала на Люську, то есть на её украшение, вызвавшее такую бурю эмоций у вполне уважаемой дамы, а потом (одобрительно чмокнув) на Таньку. Даже приостановился.

Я вздохнула. Что за бесцеремонность?! Не к нему ведь обращались. Ну и шёл бы себе мимо. Конечно, я ничего ему не сказала, а то, не дай Бог, и совсем на месте останется после моих-то слов. Мне мой язык не всегда подконтролен, так что лучше вовремя его прикусить, чтоб соблазна не было.

– Не ори, – вполголоса посоветовала я Татьяне, скосив глаза на парня и привычно вздохнув. Говорить ему я снова ничего не стала. Зачем привлекать лишнее внимание? – Мы всё же таки в центре города. А ну как сослуживцы твоего драгоценного окажутся поблизости. Что тогда?

– Да я и не ору, – сразу присмирела Танька, бросив быстрый взгляд вокруг себя, но из вредности всё же добавила:

– Не окажутся. Рабочий день у них в самом разгаре. Чего им у зоопарка в это время шибаться? Они люди занятые. Деньги делают. Куют, так сказать, собственное материальное благополучие днём и ночью. Да и фразочки в неформальной обстановке могут такие выдать – мама не горюй. Это они на работе все такие неприступные и солидные, а копни глубже... Так что вряд ли я кого-нибудь из них так уж сильно шокирую. Скорее повеселю.

Я фыркнула, отвернулась от злобной Танюхи, которую и захочешь не переговоришь, и пригляделась к Люське. Чего она к ней прицепилась?! Почти ничего и не видно. Или это я такая слепая?!

– Что? Так сильно заметно? – расстроилась Люська, реагируя на моё слишком пристальное, да что там, по-настоящему бесцеремонное, назойливое разглядывание. Я даже прищурилась от усердия.

– Не-а, – искренне ответила я. – Ничего не видно, если специально не присматриваться. Я внимательно осмотрела лицо подруги ещё раз и добавила:

– Ну-у-у, скажем, практически ничего. Та-ак, что-то желтеет-синеет слабенько. Ерунда. Не заморачивайся. Это наша Татьяна – зоркий сокол, а другим и не видно ничего.

Люська вздохнула. Я не поняла: с облегчением или досадой.

– А твой что, опять в запое? – не утерпела я, хотя и знала, какая это болезненная тема для подруги.

– Всё. Уже вышел, – хмуро ответила Люська, каменея лицом. – И давайте о чём-нибудь другом.

– Нужен он тебе... – не сразу остановилась Татьяна, но я её толкнула в бок – хватит уже на сегодня – вздохнула и бодренько произнесла:

– Ну что? Берём билеты и вперёд? Или передумали?

– Ни в коем разе! – дружно ответили девчонки, и мы стройной шеренгой направились к зоопарку.

Нас трое.

Три подружки – хохотушки...

С Люськой мы дружим с первого класса, а может, и раньше, только раньше я себя не помню. С Танькой мы сошлись в институте. И так получилось, что она не стала третьей лишней.

Мы классно смотримся вместе.

Люська – высокая, стройная, почти естественная блондинка. Волосы до плеч, и ей это идёт.

Странно, что на детских фотографиях она – вылитый гадкий утёнок. Такая же тощая и длинноногая. С глупой чёлкой, совсем ей не идущей, и длинным хвостом, а ля-конский, который тоже нисколько её не красит. Но в детстве на такие мелочи внимания как-то не обращаешь.

Сейчас Люська – очень симпатичная молодая женщина. И что гораздо важнее в нашем искусственном мире – вполне обеспеченная. И эту обеспеченность она куёт сама, не дожидаясь манной небесной.

Люська – модный женский парикмахер, и иначе как Люсьена клиенты её не зовут. Да ещё и по отчеству величают, не смотря на молодость. Руки у неё и впрямь золотые. Из кикиморы конфетку сделает. Попасть к ней – большая удача.

С мужьями ей не везёт. Второй раз замужем, и опять муж – алкаш. Это я так неэтично выражаюсь. Люська утверждает, что он – выпивающий. И то изредка. Вернее, совсем редко. Не то, что другие.

Ага, типа повыпивает пару-тройку недель до глюков и опять в непьющих ходит. Тихий кошмар и ужас! Это я так комментирую ситуацию. Разумеется, не вслух.

Может, я и не совсем справедлива (подруга не любит разглагольствовать на эту тему, так что приходится домысливать самим), но за Люську обидно. Сашка её, конечно, не алкаш. Он вроде как запойный. Это я разницы не вижу. А Люська утверждает, что он месяцами может не пить, пока опять не сорвётся. Обычно на день-другой.

Третий раз на моей памяти у Люськи синяк на лице. Разговаривать на тему пьянства супруга с ней бесполезно. Она упорно утверждает, что он практически не пьёт, то есть выпивает крайне редко.

Редко да метко – мрачно шучу я, и Люська сразу замыкается.

Сашка, так зовут её мужа, – печник. И не просто печник. Он настоящий мастер своего дела. Он кладёт изумительной красоты камин в богатых особняках за какие-то сумасшедшие деньги. Так что в их семейный бюджет и от него капает, а временами рекой течёт. Если б ещё не пил!

Запой были, может, и редкими, зато их ожидания..! Вот что взвинчивало нам нервы и заставляло всякий раз вздрагивать и приглядываться к Люськиной физиономии!

И это нам! А каково Люське?! Каково это каждый день ждать, что милый опять сорвётся. Не сегодня, так завтра. Не завтра, так послезавтра. И так день за днём.

Боже, спаси и помилуй! Это ж какой матерью Терезой надо быть, чтоб так жить?!

Люська не сдаётся. Надеется вытащить любимого, чтобы даже редких запоев не было. Вообще чтобы не было даже упоминания спиртного в их жизни. Её бы молитвы да Богу в уши!

Сказать честно, Сашку лично я пьяным не видела ни разу. У каждого своя жизнь и свои заботы. А Люська – она такая, если что – скажет некогда – и гуляй Вася. Никаких жалоб от неё не дождёшься. Всё просто замечательно. И жизнь хороша, и жить хорошо...

Так что домысливай как хочешь и что хочешь.

От первого брака у Люськи дочь – длинноногая четырнадцатилетняя девица. Иринка похожа на мать. Не на ту длинноногую девчонку с детской фотографии, а на теперешнюю.

Конечно, не копия. И от отца много взяла и всё на пользу. Красавицей растёт. Уже и сейчас видно.

Иногда на улице парни принимают их за сестёр и лезут знакомиться. Ничего удивительного. Иринка стремится выглядеть постарше, а Люська, понятное дело, косметику употребляет совсем с другой целью. Противоположной. Хотя фыркают они в такой ситуации совершенно одинаково и одинаково быстро уносятся прочь. Одной ещё рано знакомиться на улицах, а другой уже ни к чему.

Отношения с отчимом у девчонки прекрасные. Она искренне считает его своим отцом, а он её – родной дочкой, так что с этой стороны в их семействе всё в порядке. Да и вообще они молодцы. Дружно живут. Это я без всякой зависти. Просто факт констатирую.

Танька преуспела на ниве замужества и домашнего хозяйства. Ещё в институте выскочила замуж, ни дня не работала и, по-моему, к сегодняшнему дню окончательно забыла, в каком месте валяется её диплом. А ведь как хорошо училась! Какая была голова! От неё много ждали, а она влюбилась по уши и напрочь забыла, что когда-то мечтала карьеру сделать.

Муж у неё подвизается на руководящей должности в каком-то очень престижном банке, где он трудом и потом добывает нехилые деньги. К тому же у него сколько – то там процентов акций этого самого банка. Так что на его фоне Люська уже и не кажется слишком уж обеспеченной.

С внешностью у Татьяны тоже всё в порядке. А те мелочи, что не доглядела природа, резво испарились при помощи денег. Надо честно сказать, что Татьяна всегда была прекрасно сложена, и то, что у неё четверо детей, никак не сказалось на её фигуре. Она сроду не сидела ни на какой диете, но всегда была умерена в еде. И очень разборчива. Я так не могу. К тому же я ленива, а Танька обожает занятия физкультурой. И не в спортзалах да фитнес клубках, а в садочках да парках, то бишь, на свежем воздухе. Результат налицо.

Танька – коротко стриженная шатенка, подвижная, как ртуть, и говорунья – не дай Бог! Глаза с поволокой. Ну, чисто коровьи! А глаз не оторвать! Мужики как мухи на мёд летят на эти самые глаза и влипают намертво. Но Таньке достаточно её влипшего банкира и их сильно разросшегося семейства. Шутка сказать – четыре отпрыска к тридцати двум годам!

Нам всем именно по столько. И мне в том числе. Одна я, Машка Резнова (в замужестве Иванникова), из всей нашей троицы не удалась ростом. Да и худенькой меня тоже трудно назвать, даже с большим натягом. Правда, никаким комплексом по этому поводу я не страдаю. Я себе и такой нравлюсь. И не только себе. Нет во мне Танькиной подвижности, но и от Обломова тоже ничего нет.

Есть и у меня своя особенность – длинные, густые русые волосы, которые я заплетаю в две толстые косы. Иногда в одну. Как найдёт. Они мне заменяют и воловь глаза, и осиную талию подруг. Так же привлекают внимание и притягивают ко мне заинтересованные взгляды мужчин, а частенько и женщин, которых природа обделила в этом смысле.

Муж у меня таксист. Всем хорош, только ревнивый очень. Вроде за эти годы я его от излишней ревности отучила, но бывает. Ох, и бывает! Чуть ли не на пустом месте. Срывается мужёнок по пустякам. Тогда в нашем семействе такое творится! Мексиканские сериалы отдыхают.

Сама я преподаю английский в средней школе. Как институт закончила, так в школе и осела. Деньги никакие, но уйти – сил нет. Она мне дом родной. А из дома просто так не уходят. Привычка держит. И что-то ещё, что-то такое, что трудно облечь словами, высокопарно как-то получается. А деньги что?! Их всегда заработать можно. Меня, например, выручает репетиторство. Оболтусов из богатых семей в нашем городе пруд пруди.

Муж тоже очень неплохо зарабатывает, так что о нужде говорить не приходится. Тем более что сынуля у нас один, мама с папой рядом и всегда рады что-нибудь внуку подкинуть,

хотя мы и не нуждаемся в этом. Отказываться пробовали – обижаются. Любимому внуку ничего не жалко.

В общем, как ни крути, а у всех троих на сегодняшний день жизнь удалась. По крайней мере, мы ею довольны. А дальше, как говорится, нам не дано предугадать, что день грядущий нам готовит. Что будет, то будет. Главное, сегодня мы есть. И всё, что нам нужно, у нас тоже есть. И даже немного лишнего, без чего мы вполне могли бы обойтись.

Странно. Мы так давно дружим, и ни разу не было, чтобы нам понравились одни и те же мальчики. И наоборот. Две из нас одновременно тоже не понравились ни одному парню.

А раз так, то и дураку ясно, что ссориться нам было не из-за чего, так что нашу дружбу ничто не омрачало.

Нет, по пустякам мы иногда грызлись. Но это так. Скорее для разнообразия. Пустяки они и есть пустяки.

Живём мы все в одном городе, в том самом, где родились и выросли, и откуда не собираемся уезжать. Мужья наши тоже местные и тоже горожане. Есть в деревнях родственники, в основном дальние, но деревенская жизнь для нас равнозначна жизни на Марсе, так мало мы о ней знаем.

Говорят, на свете множество красивых городов. Пусть так. Мы дружно считаем, что лучше нашего родного города нет, не было и не будет.

Сегодня мы встретились у зоопарка. Выкроили несколько часиков, чтобы поболтать, а заодно побродить по любимым с детства местам.

У нас в этом году юбилей. Пятнадцать лет как мы закончили школу. Всем классом (ну вряд ли уж совсем всем, но всё-таки абсолютным большинством) мы соберёмся позднее, ещё через месяц. Почему-то в этом году решили собраться в августе. Как-то так срослось.

А мы уже в начале июля решили втроём отметить знаменательную дату. Тем более что Танька в школе вместе с нами не училась, значит, в августе её с нами не будет, а юбилей у нас одинаковый. Она тоже выпорхнула из родной школы пятнадцать лет назад. Вот мы и решили отметить его ещё и втроём. Тесной, сплочённой компанией. Как говорится, сам Бог велел. Всё ж таки дата круглая. Ну, полукруглая.

Конечно, мы и так часто встречаемся. И даже мужья наши иногда пересекаются, когда составляют нам компанию. На дни рождения, например. Но нам не надоедает общаться. Поэтому даже если явного повода для встречи нет, мы всё равно найдём. Так мой муж утверждает, и я с ним не спорю. Мы с подружками найдём всё, что угодно, а не только повод. Чего уж тут спорить?! Я никогда не отрицаю очевидного. К тому же, праздников лишнего не бывает.

К этому празднику мы основательно готовились. Перебирали и так и этак. И вот что у нас вышло.

Праздник разбили на три части. Нас ведь трое, поэтому каждой досталось загадать по одному желанию как именно провести свою часть.

Один вечер потратим на зоопарк. Моя идея. Мне никогда не приедается гулять по его аллеям и любоваться его обитателями. Не скажу, что подруги в восторге от моего желания, но уговор дороже денег, и им придётся меня сопровождать. Ничего страшного. Мы же идём без детей, значит – это всё-таки отдых, а не приятная обязанность. Тем более, что мы нигде не визжим, не теряемся и не пытаемся любым способом проникнуть в клетку или вольер. За нами не нужен глаз да глаз. Вполне можно расслабиться и получать удовольствие.

Моя фанатичная любовь к зоопарку – притча во языцех, но в этот раз подруги даже не сильно сопротивлялись, за что я им безмерно благодарна. Ну что поделаешь, я действительно отдыхаю в зоопарке и надолго заряжаюсь хорошим настроением и бодростью.

Потом выделили целый день на море. Это уже Люська захотела. Она вечно в трудах и заботах, так что поплавать в море ей удаётся нечасто. Это у меня каждое лето отпуск, и я частенько в море бултыхаюсь по полдня, благо оно близко от города, а я легка на подъём. У

Люськи и отпуск намного короче, и рабочий день длиннее, и ноги к вечеру так гудят, что до дивана бы добраться. Какое уж тут море?! Так что желание подружки я вполне могу понять и принять.

Потом опять встречаемся ранним вечером. Захотелось Татьяне немного побродить по улицам родного города (просто так и пешочком, чтоб окружающий мир не только из окна машины видеть), понырять в цветочные магазины (у неё какой-то бзик на почве цветов), вспомнить юность, посидев под занавес в уличной кафешке. Кто ж будет спорить?! Побродим и посидим.

Только втроём! И никого больше.

Когда планировали, немного поспорили, не без этого, но тут же начали друг другу уступать, и в результате получили то, что получили.

Да и какая по большому счёту разница, решили мы, куда идти и что делать, если мы будем вместе. И без длинного шлейфа семейных забот и обязанностей. Да здравствует свобода!

И вот мы стоим у входа в зоопарк. Люди обтекают нас со всех сторон, и мы, наконец – то, начинаем движение в сторону кассы.

Покупаем по дороге три мороженных (обязательный атрибут детства) и берём три билета. Всё, наш путь к юности начинается.

У самого входа в центре небольшой площадки глубокий вольер, больше похожий на колодец, в котором сидят три небольших бурых медвежонка.

– Ой! Какие хорошенькие! – немедленно впадаю я в детство. Когда я была маленькой, то могла простоять у клетки с медведями не один час, испытывая родительское терпение. Сколько лет прошло, а реакция на медвежьих детёнышей у меня всё та же.

Один из забавной троицы, услышав мой голос, тут же становится на задние лапы и лихо начинает попрошайничать, выделявая передними конечностями незамысловатые, но довольно быстрые и убедительные, а главное всем понятные движения.

Татьяна реагирует на них быстрее всех. Она достаёт из сумочки пачку печенья и бросает медведям три штуки, стараясь попасть в каждого.

Удивительно, но ей это удаётся!

Я специально купила для них сдобную булочку. Делю её на части, бросаю, но не так метко. Медведята подхватывают угощение, устраивают небольшую, зато шумную потасовку при делёжке и, вкусно чавкая и сопя от усердия, косят на нас хитрыми глазами.

Мы некоторое время любимся на жующих медвежат, а потом идём дальше. Татьяна при этом глубокомысленно замечает:

– Надо же! Какие профессионалы, хоть и малыши. Как наловчились мзду с посетителей требовать.

– Посиди сама в колодце и не тому ещё научись, – оправдываю я медвежат. – Цемент им, что ли, грызть?

– Ну-у-у, их же кормят! – возмущается Танька.

– Ха! – восклицаю я. – Уж только не печеньем! Самой небось не только капустки хочется, но и тортика иногда. Что? Не так?! А чем они хуже?!

– Ничем, – соглашается Танька, Люська улыбается, и мы останавливаемся у клетки со львом.

Когда я смотрю на этих страшилищ, то всегда радуюсь, что не угораздило меня родиться в Африке. Несмотря ни на какие кризисы и катаклизмы, сотрясающие с пугающей регулярностью любимую Отчизну, в такой момент я твёрдо уверена, что моя страна – лучшая в мире и другой мне не надо. Ни за какие коврижки не надо! И все самые красивые животные мира тоже водятся именно в нашей стране. Не чета всяким там бегемотам и гиенам. Нет, двуногих представителей типа гиен и шакалов и в нашей стране достаточно. Да и где их нет?! Правда,

я, как Маленький принц, тщательно оберегаю свою собственную планету от подобных типов. Так что живём мы с ними на разных полюсах...

Странно, что именно у клеток со львами всегда много посетителей. Меня это удивляет, но не слишком. Не зря же говорят, что сколько людей, столько и мнений. То, что одному не нравится, другому может показаться эталоном красоты. О вкусах, как известно, не спорят. Сегодня тут тоже небольшая толпа, поэтому мы не можем подойти слишком близко.

Если честно, то я и не рвусь. Аромат от животных хоть и терпимый, но не из приятных. И взгляд у этих тварей никак не ласковый, а очень даже злобный. Просто дрожь по коже. Обычно я медленным шагом прохожу мимо, бросив на львов мимолётный взгляд, но сегодня мы всё же останавливаемся.

В толпе зрителей выделяется худой мужик в не слишком свежей сорочке, но зато в шляпе, который кривляется не хуже обезьяны и при этом орёт в сторону клетки со львом:

– Что, скотина, морду воротить?! Люди деньги заплатили, а ты к ним задницей?! Ишь ты, урод!

Женщина, стоящая рядом со мной, тихо замечает:

– Это надо ещё посмотреть, кто тут урод.

Мужик не унимается:

– Что?! Рожи наши не нравятся?! Ишь ты...

Я фыркаю, а Люська тихонько говорит, обращаясь ко мне:

– Маш, ты глянь, как лев на этого мужика посмотрел. Презрительно, честное слово.

Я смотрю на льва, но не успеваю поймать его взгляд, потому что лев отворачивается, минуту стоит неподвижно, потом мягким, кошачьим движением принимает в сторону, становится к решётке боком, поднимает заднюю ногу, и толстая струя остро пахнущей мочи обливает грубияна с головы до ног.

Надо же, как точно?!

Толпа с криками распадается на части. Люди, кто со смехом, кто с руганью, шарахаются в разные стороны. Брызги вонючей жидкости долетают и до стоявших рядом с крикуном, слегка орошая всех. Вокруг мужика мгновенно образуется свободное пространство. Никто особо не пострадал, а вот с него буквально течёт. Капает и с носа, и со шляпы, но сочувствующих нет. Он мгновенно становится изгоем. Пучит глаза и молчит, словно язык проглотил, будто и не он только что кривлялся и кричал во всё горло, оскорбляя на все лады бессловесное животное.

Раздаются негромкие смешки и выкрики:

– Поделом!

– Ай, да умница!

– За оскорбление надо платить!

– Так ему! Так!

– По заслугам!

Толпа раздражается хохотом. Смеются даже нечаянно пострадавшие, те, кого лев слегка обмочил за компанию. Хотя надо отдать ему должное – прицелился он по-снайперски точно, почти все запасы мочи достались обидчику.

Мы тоже хохочем. Разве удержишься?! Один лев невозмутим. Он поворачивается хвостом к присутствующим и замирает в таком положении.

Мужик наконец отмирает, судорожно отряхивается, трясёт шляпой, головой, что-то злобно бормочет сквозь зубы, озирается и, не видя сочувствия, мгновенно исчезает из поля зрения. Вряд ли ещё когда-нибудь у него появится желание дразнить льва. Да и не только льва!

Люди, оживлённо переговариваясь и посмеиваясь, отходят от вольера. Представление окончено.

Им на смену спешат другие, привлечённые необычным оживлением, смехом и шумом.

Мы тоже уходим, но успокоиться не можем.

– Какой умница! – восхищается Танька, имея в виду льва. – Нет, вы подумайте, девочки, какое самообладание! Какое чувство собственного достоинства! А сколько в нём грации!

– Да уж, – вздыхает Люська, – наш сородич в этой истории выглядит не лучшим образом.

– И вовсе он не наш сородич, – сходу отрекаться я от родства с обмоченным мужиком. – Это совсем другая ветвь развития. Они только на днях от обезьяны произошли. Их ещё прогресс не коснулся. Даже краешком не задел.

Танька хохочет. Мы не выдерживаем и присоединяемся к ней. Люди с недоумением смотрят на нас. Но мы не обращаем ни на кого внимания. Они на нашем месте хохотали бы так же. Слишком свежа ещё картинка. Не удержаться. Да мы и не стараемся. Смех, как известно, продлевает жизнь.

Вечер прекрасный. Город долго мучила жара, но на днях она спала, и мы наслаждаемся прогулкой. Вечернее солнце приятно, в воздухе пахнет цветущей липой, на душе праздник.

Справа от нас, совсем рядом, под липой, пустая скамейка так и притягивает взгляд. Мы как-то одновременно возжаждали на неё присесть, что немедленно и исполнили.

– Попить бы, – мечтательно говорит Татьяна. – Соку холодного или хотя бы водички.

– Вон смотри, – указывает Люська вперёд и влево, – по-моему, там бутылки с лимонадом продают. Видишь, на лотке стоят?

– Вижу, – кивает Татьяна, – только лимонаду я не хочу. Мне от него только ещё больше пить захочется. Совсем сушняк замучает. Да и не люблю я лимонад. Воду эту крашеную и нахимиченную.

– Может, там и минералка есть, – гадаю я. – Отсюда не видно.

– Посидим немного, – предлагает Люська, – а потом проверим, что там есть, а чего нет.

– Не умрёшь от жажды? – спрашивает она у Татьяны. – Потерпишь? Или пойдём?

– Посидим, – решает Татьяна.

На ней туфли с высоким каблучком, поэтому я её понимаю. Лично мне глубоко начхать на этикет и на то, что с чем сочетается, что модно и не модно. Для меня главное – удобство. Что удобно, то и модно. Но я не жена банкира, мне простительно, поэтому на мне сегодня лёгкий сарафан и босоножки типа сандалии. Татьяна в таком виде дальше собственного сада не пойдёт. А я – так запросто. И куда угодно.

Танька не любит гламурные журналы, но они у неё валяются на журнальном столике, потому что так надо. Кому?! Не спрашивайте. Только плечами пожмёт и хмыкнет.

Я тоже не люблю такого рода прессу, и её у меня нет. Не интересно, значит, не нужно. Всё очень просто.

Кому не нравится – я не виновата...

– Я, когда маленькой была, мечтала в зоопарке работать. Представляете? – выдаю вдруг я, а Люська подхватывает:

– А я всё в магазин играла. Непременно, чтоб я была продавцом.

– Угу, – бурчу я. – Сколько раз я с тобой ругалась из-за того, что была вечным покупателем. К весам, это когда палочка на осколке кирпича качается, ты меня и близко не подпускала. И ведь в остальном такая была покладистая, зараза.

Люська довольно смеётся, а Татьяна мечтательно произносит:

– А я в детстве всё кукол нянчила...

– Да ты и сейчас их всё время нянчишь. Только живых, – усмехаюсь я. – Такая вот ты у нас целеустремлённая личность.

– Ой, а ты-то! Со своим зоопарком! – не остаётся в долгу Татьяна. – Скоро сюда переселишься?

– Каждому своё, – грустнеет Люська, непонятно о чём подумав, и я решаю, что мы засиделись.

– Что это мы, как старухи, в лавочку вцепились и в воспоминания ударились?! – спрашиваю я подруг, словно и не замечая Танькиного выпада. Давно к ним привыкла. Сама такая. Языком молочу к месту и не к месту. – Мы зачем сюда пришли? На пятые точки мозоли наживать? Или гулять? Вот и пойдёмте гулять. Сколько можно сидеть-то?!

Мы дружно встаём и шагаем к лотку, на котором стоит то ли лимонад, то ли минералка. К счастью, минералка тоже есть. Правда, тёплая, но это лучше, чем никакой.

Дружно берём по небольшой бутылочке минералки, переглядываемся и срываемся в хохот.

Просто так. От избытка внезапно навалившегося веселья.

– Ну, и где тут скамейка поблизости?! – озвучивает наши общие мысли Танька, и мы снова смеемся.

– Не на посиделки пришли, – тоном старой брюзги обрываю я избыточное веселье. – Нечего скамейки задницами протирать. У нас культурная программа. Обзорная экскурсия.

Я еле сдерживаю смех, подруги фыркают и смотрят на меня, расплёскивая глазами вернувшуюся юность.

Полезно отрываться от кастрюль. И от повседневности. Страшно жить по протоколу. Во всяком случае, для меня. Терпеть не могу места, где правила игры требуют носить маску.

Но сейчас и здесь...

Видели бы меня мои ученики! Вооружившись бутылками, стоим посреди дороги, мешая людям пройти, и радуемся неизвестно чему.

Хотя почему неизвестно?! Радует нас жизнь, молодости и свободе.

Нет, не подумайте ничего. Мы очень любим своих домашних и не согласны надолго оставаться без них. Только на какое-то время. Очень короткое, впрочем.

Но сейчас мы не солидные тётенки, обременённые заботами, сейчас мы девчонки, только что закончившие школу и опьянённые свободой.

Да здравствует радость!

– Я пить хочу, – доносится до меня голос Татьяны.

Ну вот, с небес и – шмяк об землю!

– Пей, – великодушно разрешаю я.

– Как это – пей?! – обижается Танька. – Что, вот так будем посреди дороги стоять и пить из бутылок?!

– Нашу скамейку заняли, – радостно сообщает Люська, и мы с Татьяной оглядываемся.

И правда, какая-то немолодая пара уже оккупировала место наших недавних посиделок.

– Чему радуется эта малахольная? – глядя на меня, вопрошает Танька. – Этак мы и с водой умудримся от жажды околоть.

– А пошли вон туда вниз, – предлагаю я. – К козлам.

– Куда?! – дружно вырывается у моих подруг. – К каким козлам?!

– Да к обыкновенным! – давлюсь я смехом, разглядывая две недоумённые физиономии. – Смотрите, у вольеров с козами, козлами, ну и всякими другими копытными, совсем никого нет. И поблизости тоже нет. Ни единой живой души. Пейте, хоть захлебнитесь. Никто не помешает. Тем более что эти вольеры в стороне от основного пути.

– Спасибо, – вежливо произносит Люська. – Хорошее пожелание. Насчёт захлебнитесь. А главное – вовремя.

На ходу откручивая пробки, мы дружно трусим вниз, к вольерам, у которых действительно никого сейчас нет.

Сиротливая пустая скамейка и всё. Ни души.

Мы усаживаемся на неё, торопливо пьём.

– Хорошо-то как! – мечтательно поднимает глаза к небу Танька, и я с ней согласна. Я вообще люблю бывать у этих вольеров. Они довольно просторны. В них нагромождены камни,

которые напоминают естественные невысокие горки, и по этим горюшкам резво носятся грациозные животные. У коз, несмотря на жизнь в неволе, задорный вид, блестящие умные глаза и завидная подвижность. Мне бы так пробежаться. Хотя бы раз в жизни! Увы! Увы! Что не дано, то не дано.

Вода тёплая. И всё-таки – это...

Кайф! Но длится он недолго.

Краем глаза я ловлю какое-то движение немного в стороне от нас, но на довольно близком расстоянии.

– А вот и козлы, которых вы имели в виду, – тихо говорю я, указывая кивком головы на троицу парней, быстро приближающуюся к нам.

И откуда они взялись? Ведь никого же не было в пределах видимости. Правда, с той стороны – кустарник...

– Твою мать... – бурчит Танька своё коронное, но я тихо советую ей заткнуться...

– Ваш сын последнее время совершенно неуправляем, – резко начинаю я громким, противным, скрипучим голосом, вскакивая с места и хватая под руку Люську. Я таращу на неё глаза и широко и некрасиво открываю рот. – Если вы не сможете повлиять на его поведение, придётся вызывать вас вместе с ним на родительское собрание.

Троица притормаживает и уже не так сильно жаждет с нами познакомиться. На их лицах лёгкое недоумение, плавно переходящее в тяжёлый мыслительный процесс, который с трудом пробивает себе дорогу через недавнее игривое настроение.

Люська выглядит не лучше. Она выпучивает глаза, хватая ртом воздух, но ничего сказать не может. То ли из-за того, что рот её слегка перекосило, то ли в голове что-то заклинило от неожиданности ненадолго, но сейчас мне её молчание на руку, и я перехожу в атаку на Таньку, которая в этот момент напоминает статую. Такая же неподвижная и немая.

Она сидит на узкой скамейке, подняв ко мне лицо, и я вижу, как у неё непроизвольно открывается рот и широко распахиваются глаза. Правда, она не такая пучеглазая, как мы с Люской, иначе я не выдержала бы и рассмеялась. Три пучеглазки – это слишком много для моего живого воображения. Себя я не вижу, но легко представляю, поэтому рвущийся наружу смех буквально приходится заталкивать себе в глотку. Я набираю побольше воздуха и...

– А ваша дочь, – громким «учительским» тоном вещаю я и тыкаю пальцем в середину Танькиной грудной клетки, – плюёт в одноклассников, дразнится, грубит учителям. Совершенно невоспитанная девочка. Ничего удивительного. Что ждать от ребёнка, если папа – бандит?! И не простой, а лидер крупной преступной группировки, способной на всё.

Троица как-то быстро линяет. Вот только что были тут, а сейчас не видно даже на горизонте. А Танька всё сидит с очумелым лицом и молча моргает. Только очень быстро.

– Концерт окончен, – раскланиваюсь я.

Танька переводит взгляд с меня на Люську, потом опять на меня и, наконец, спрашивает без всякого выражения:

– Что это было.

– Концерт по заявкам! – злюсь я, потому что отмирает Люська и на полном серьёзе заявляет:

– Нет у меня никакого сына. Ты что, Маш?

А Татьяна тут же набрасывается на меня:

– Да сроду ни одной из моих дочерей в голову не придёт плевать в своих одноклассников! Да и в чужих тоже! Даже если они этого заслуживают! Или обзывать! И как ты моего мужа обозвала?! Мать твою... Совсем ты, Машка, очумела! Какой он тебе бандит?! Да ещё лидера какого-то приплела!

– А вам хотелось бы битых полчаса мямлить: мальчики, мы – замужние, серьёзные, приключений не ищем, так что вы нам без надобности! Идите себе с Богом куда шли! А мальчики

будут в это время ржать по-жеребьячи и уговаривать: да хватит вам ломаться, мы и так цену знаем! Не дорогие! Проверьте! Вам это надо?! – кипела я праведным гневом. – Уж сколько раз такой геморрой подхватывали! И не объяснить этим козлам ничего с помощью слов! Забыли, да?!

Девчонки мои задумались на мгновение и вдруг хихикнули. Как-то так странно, синхронно хихикнули, что я сама чуть в статую не превратилась, а потом тоже хихикнула. С кем поведёшься...

– Попили водички, – протянула Танька и согнулась от смеха.

Мы с Люськой недолго думали и охотно поддержали компанию.

Потом вдруг (все разом!) посмотрели на табличку, висящую на вольере и оказавшуюся перед самыми нашими носами, прочитали с чувством вслух: нубийский козлик! – и снова оглушительно захохотали.

– Ой, не к добру, девки, на нас сегодня смех напал! – выпалила Танька. – Целый день ржём ни с того ни сего. Ой, не к добру!

– Типун тебе на язык! – тут же дружно среагировали мы.

– Иди сюда, мой хороший, – засюсюкала я в сторону вольера. – Это я не о тебе. Ты-то умница. Красавчик! Ну, иди сюда. Иди.

Небольшой козлик (наверное, ещё детёныш, в смысле, козлёныш) доверчиво подошёл к решётке, и я смогла погладить пальцами его задорную мордочку. Не всю, а самую малость, сколько дотянулась.

– Во! Как к козлам тянет! – не смолчала злобная Танька и толкнула Люську в бок. Та фыркнула:

– Родство душ!

Мы с козликом не стали обращать внимания на слова моих подружек. На чужой роток не накинешь платок. Надоест, сами перестанут.

Но козлику надоело быстрее. Он развернулся и, даже не мекнув на прощание, ускакал в сторону каменной насыпи к своим сородичам.

– Что-то мы к козлам прилипли, – проводив козлика задумчивым взглядом, сказала я, обращаясь к подружкам. – Может, строимся, наконец, с места да потрусим дальше? А?! Вы как?! Наобщались с козлами?

Девки фыркнули ещё раз, переглянулись, а потом...

– Пошли! – скомандовала Танька, и мы дружно шагнули за ней следом.

На пути нам попался вольер с ослом.

– То козлы, то ослы, – усмехнулась Танька. – Не жизнь, а праздник.

– И чего нас в зоопарк потянуло?! – запоздало удивилась она. – Мало того, что с детьми постоянно сюда наведываюсь, так ещё и с вами понесла нелёгкая. Будто в нашем городе сходить больше некуда?!

– Машкину детскую мечту осуществляем, – напомнила Люська.

– Да ладно, мечту, – отмахнулась я. – Мы же не на работу сюда устраиваемся, а просто гуляем.

– Нельзя ли для прогулок подальше выбрать закоулок, – с чувством продекламировала сверх меры начитанная Танька, и я совсем не интеллигентно, с коротким смешком ткнула её кулаком в бок.

Проходившая мимо пожилая пара покосилась на нас. Причём, женщина неодобрительно хмыкнула и поджала губы, а мужик улыбнулся и подмигнул мне, но так, чтобы благоверная не заметила.

– Старый козёл, – негромко, но с чувством выдала я в ответ на его манипуляции, а подружки чуть не лопнули, сдерживая рвущийся наружу смех.

– Нет, ну это невозможно! – захлебнулась смехом Танька, когда мы немного разминулись с парочкой. – Ты другие слова знаешь?! Или тебя на козлах заколодило?!

Я успела только плечами пожать, и тут вдруг рядом раздался такой истошный, такой чудовищный вопль, что я подскочила вверх на полметра, а Люська с визгом шустро нырнула за мою спину.

– Чтoб ты сдох! – искренне и с чувством выдохнула Танька, выходя из столбняка и поворачиваясь к ослу. – Ну и вой у тебя!

Осёл набрал воздуха в лёгкие и гаркнул ещё раз. Но мы уже были настороже, и повторный рёв не произвёл на нас такого ужасного впечатления, как первый.

– Чем это так воняет? – поинтересовалась Люська буквально через несколько шагов.

– Не чем, а кем, – со знанием дела поправила я подругу. – Бегемотом. Вон его вольер. А вон он сам.

Ни сам бегемот, ни его запахи не привлекли нас больше, чем на несколько секунд.

Я люблю смотреть на что-нибудь прекрасное, элегантное, душистое, нежное и воздушное. А заплывшая жиром туша с малюсенькими злыми глазками и здоровыми клыками, рядом с которой к тому же невозможно находиться из-за вони, никак не может претендовать на приятное в эстетическом отношении зрелище. Может, и есть на свете люди, которым бегемоты вполне по вкусу, но я к ним точно не принадлежу. Так что мы тут практически не задержались. Если мне не интересно, то подругам моим тем более до лампочки.

Красавцы жирафы тоже почему-то оставляют меня равнодушной. Мы немного смотрим на них, потом на семью слонов, а потом присаживаемся в сторонке на скамейку.

У слонов прибавление, но и маленький слонёнок не удержал нас надолго. Мы не юные натуралисты и в зоопарк пришли не жизнь животных изучать (какая уж там жизнь – в клетке!), а просто походить, посетить моих любимцев и, конечно, поболтать. Нам это занятие никогда не приедается.

Сегодня мой день. Зоопарк выбрала именно я, поэтому и маршрутом тоже команду я. Подругам вообще до фонаря, сколько и где мы простои́м. Да хоть нисколько и нигде!

Через неделю мы поедem на море, осуществлять Люськин выбор. Ей вечно некогда. Клиент косяком идёт, так что тут не до моря. За всё лето три раза выберется и ладно. Это у меня отпуск всегда летом и длинный, а она урвёт кусок, когда сможет, и опять пашет. Я бы не выдержала. Но ведь сколько людей, столько и судеб. Вот и у Люськи судьба такая. Не морем единым жив человек.

А уж по городу шататься – это Танькина задумка. Заныла, что родной город она только из окна машины видит и ей это надоело. Мне б её заботы! Хотя нет, не надо! От своих лихо бывает, куда уж тут чужие навешивать.

Танька – молодец! Машину водит – залюбуешься! Как заправский автогонщик. Мы с Люськой на этот счёт совершенно бестолковые. Правда, не столько руля, сколько дорог боимся (встречные машины просто в дрожь бросают), но это дела не меняет. Ходим по городу пешочком или пользуемся городским транспортом. Это смотря по обстоятельствам. Иногда с благоверными катаемся. Но с Танькой куда интереснее.

Но это потом.

А сегодня...

Уговор дороже денег. Мы честно исполняем задуманное и не позволяем отрицательным эмоциям взять нас в плен. Мы свободны, мы вместе – и это главное.

К тому же, я действительно люблю зоопарк. Мне нравится в нём абсолютно всё. Девчонки не могут меня понять, но уступить моим желаниям – пожалуйста.

Мы – самые обычные люди. Далёкие от политики. Умеем радоваться тому, что даёт нам родная планета, и хотим, чтобы мир природы как можно дольше оставался в первобытном

виде. Однажды я видела зоопарк на колёсах и долго содрогалась от ужаса. Всё-таки в нашем зоопарке животным созданы условия близкие к естественным, наверное, за это я его и люблю.

Не буду лукавить, много чего я пропускаю, когда гуляю по тенистым дорожкам. Где-то стою подолгу, любуюсь обитателями вольеров, кого-то обхожу стороной, а у кого-то особенно не задерживаюсь. Не в этом дело. Меня в нашем зоопарке даже растительность привлекает, пруды с водоплавающей птицей, даже небо над головой.

Танька со вздохом облегчения вытягивает длинные, стройные, идеально красивые ноги, и проходящий мимо мужик мгновенно фокусирует на них взгляд и тут же спотыкается о небольшой камень, словно специально вылезший из-под земли.

– Твои ноги опасны для общества, – замечает Люська. – Того и гляди прохожие личики поправят об этот камень.

Я фыркаю, выплывая из своих мыслей, а Танька вздыхает:

– Девочки, не носите шпильки, не будьте дурами, пощадите ноги.

Теперь мы с Люськой фыркаем обе, а Люська замечает:

– Мне страх как удобно вокруг кресла с клиентом на шпильках крутиться. Не обувь, а мечта парикмахера.

Я тоже не остаюсь в стороне:

– И мне, чтоб по классу километры накручивать, такая обувь просто необходима. А если ещё в шель каблуком – всему классу праздник. У нас же выбоин в полу, как после войны воронок в земле. Даже толстый каблук не всегда выдерживает. А уж шпильки?!

Мы сидим полукругом. Танька в центре, мы по краям, слегка развернувшись в её сторону.

Проходящие мимо мужики бросают на нас заинтересованные взгляды, женщины – оценивающие. Но нам к ним не привыкать, поэтому никакого внимания на чересчур любопытных или плохо воспитанных сограждан мы не обращаем.

Слава Богу, знакомых не видно! Это только кажется, что наш город большой. На самом деле постоянно натыкаешься на знакомых. И не только в городе. Везде.

Сколько раз на море, на Голубых озёрах (есть у нас недалеко от города такое райское местечко, где сосредоточено множество прудов с кристально чистой и прохладной водой) услышишь: привет! – ещё даже не успев испугнуться.

– Хоть сегодня повезло и знакомых никого, – подумала я вслух, и девчонки радостно закивали мне в ответ.

Только вот сказать ничего не успели...

– Машка! – раздался где-то неподалёку чей-то вопль, и я подпрыгнула.

Посмотрела кругом.

Никого. Мало ли Машек на свете?

Успокоилась. А зря!

– Маш! Это ты?!

Повторный вопль раздался гораздо ближе.

Мы дружно повернулись к источнику звука и увидели, что прямо на нас несётся торпеда с чёрными распущенными волосами и в окружении небольшой толпы.

Мы испуганно вздрогнул и даже подумали, а не обратиться ли в бегство, но успели только вскочить.

Торпеда с размаху рухнула на меня, я на лавку, а толпа окружила нас плотным кольцом.

Танька с Люськой как разинули рты, так и стояли с разинутыми. Я барахталась на скамейке, одновременно пытаюсь встать и оторвать руки торпеды от своего горла. Наконец мне это удалось.

– Маринка, зараза, – сказала я, откашлявшись, – чуть не удушила. Не могла нормально подойти?! Тайфун чёртов! Откуда тебя принесло?

Маринка скалилась от радости, приплясывала от избытка чувств и тархтела, как из пулемёта строчила:

– Так я ж тебя уже скока не видела! Ты ж какой год уже к нам в деревню носа не кажешь! Какие вы, ей-богу, городские, пугливые! Я с тобой тока поздоровалась, а ты уж чуть не задохнулась! Задохлики вы, ей-богу, задохлики! На природу вам надо! На свежий воздух!

По-моему, животные перестали интересоваться посетителями зоопарка. Все дружно стали собираться вокруг нас, как ещё недавно собирались у клетки со львом. Чужие люди старательно пытались заглянуть за живой щит и увидеть, что там происходит, хотя мы никого не приглашали и на помощь не звали. Думаю, если бы позвали, толпа бы мигом рассосалась.

– Закрой рот! – тихим голосом, но с угрожающей интонацией приказала я Маринке, и она послушно его закрыла, пискнув на прощание своё коронное:

– А шо я?!

– Ты откуда тут взялась? – приступила я к допросу.

– Так мы ж решили в городе культурно побывать, вот и приехали, – зачастила Маринка.

– Культурно?! – хмыкнула я. – В каких же музеях побывать успели?

– На шо нам музеи? – удивилась Маринка. – Нам в зоопарке нравится.

– Понятно, – вздохнула я. – Знакомьтесь. Это Маринка.

– Да мы уже поняли, что она Маринка, – себе под нос пробормотала Танька, но я услышала и сочла нужным уточнить:

– Троюродная (или какая там? – повернулась я к Маринке) сестра моего мужа. Живёт в Гусевском районе нашей области.

– Это мамки наши троюродные, – обиженно сказала Маринка. – А мы уж в четвёртом колене родня. Вечно ты путаешь.

– Вот, в четвёртом колене, – повернулась я к подругам. – И такая бурная радость. Прямо слёзы из глаз.

– А шо?! – опять удивилась Маринка. – Близкая ж родня! Вот у нас баба Маня живёт. Так она нам вовсе никто. Просто осталась она одна, мамка пожалела да и взяла к себе. А шо? У нас дом большой, а у ней хата вовсе развалилась. И крыша худая. И сама изба так валится, что уж и подпирать толку нет. А родни у баб Мани никого. Так нехай у нас обретается. Шо, места жалко? Так и пенсия у ней своя! Не в нахлебницы села...

– Хватит, – прервала я словесный поток с бесконечным шоканьем. – Рада за бабу Маню. Вы куда шли?

– Так вот тебя увидели, так к вам и пошли? – снова удивилась Маринка моей непонятливости.

– А до того, как меня увидели, вы куда шли? – теряя терпение и потихоньку закипая, переспросила я. Тупиц мне и в школе хватает с избытком.

– А-а-а, – обрадовано заговорила Маринка. – Мы никуда не шли! Мы вон под теми кустиками сидели, пиво пили!

– А в деревне вы что, уже всё пиво выпили? – ехидно поинтересовалась Танька. – Приехали на городское?

– Не-е-е! – помотала головой Маринка. – Пива там полно! Но оно ж в деревне! А мы в город захотели!

– Ну да! – не сдержала смешка Танька. – Культурно побывать!

– А шо? – вытаращилась на неё Маринка. – В городе тока вам можно?

– Ой, какая ты красивая! – без перехода добавила она. – И одежда...

Она присвистнула:

– Наша Машка никогда так не одевается. А тоже ведь городская, – с сожалением и упрёком прибавила она, покосившись на меня, а я решила, что этот балаган пора кончать, но не успела.

– Слышь, а ты замужем? – отмер один из группы сопровождения и уставился на Таньку, как профессиональный оценщик антиквариата на редкую, но непонятно откуда взявшуюся вещь.

Хотя, чего это я?! Он и слов-то таких, скорее всего, не знает.

– А что?! – кокетливо повела плечом Танька.

И так удачно повела, что парень обалдел. Да что там парень?! Я тоже слегка опешила. Даже рот разинула. Ну не ожидала я от своей строгой подружки подобного жеста в подобной компании! Было от чего обалдеть и мне. А уж ему-то и подавно. Люська спрятала улыбку, быстро отвернувшись и сделав вид, что увидела что-то интересное где-то там, далеко.

– Может, познакомимся? – как-то вдруг оробел мальчишка. – Я – Шурик.

Подумал и добавил:

– Восемнадцать мне уже скоро.

Танька даже рта открыть не успела, а может и не собиралась, только глазами сверкнула, да скользнула по её губам загадочная улыбка Мона Лизы. Играла с бедным парнем, как кошка с мышкой. Зато моя родня не дремала.

– Ты чё, Шурка, совсем дурак! – вмешалась Маринка. – Да нашей Машке знаешь сколько?! Уже за тридцатник перевалило! На пенсию скоро! И подружки у ней такие же! Я знаю – они ровесницы! Куда тебе с ними знакомиться?! Кольцо, вишь, на руке?! И детей небось куча!

Мы – три потенциальных пенсионерки – переглянулись, одновременно фыркнули и расхохотались.

Рассосавшееся было вокруг нас второе кольцо из благодарных зрителей дружно потянулось обратно, но нас это не смутило. Мы даже не заметили их маневра, так развеселили нас слова девчонки. Только в семнадцать кажется, что никогда тебе тридцать не будет. Такую величину даже представить трудно! А вот поди ж ты, налетает тридцатник в мгновение ока. Жаль, что прозрение наступает поздно: вчера ещё было семнадцать, а сегодня – ого-го... А ты и не заметил...

На глазах от смеха выступили слёзы, в животе начались колики, а мы всё не могли остановиться. Наконец, сквозь всхлипы я выдавила из себя:

– Марин, погуляйте немного где-нибудь, потом встретимся.

– Ладно, – покладисто согласилась та и потянула Шурика за руку, словно свою собственность забирала. Видимо, и без моих слов она уже подумала то же самое. Иначе так быстро не согласилась бы. – Пошли. Нечего паялится.

По дороге она говорила ему что-то ещё, но мы уже не разобрали, что именно. Да и не до того нам было.

Толпа парней во главе с Маринкой дружно вернулась под облюбованные ранее кустики, а мы рванули в туалет. Надо было умыться, привести себя в порядок. Ну, и ещё, конечно, кое-что надо было. А то ведь так и уписаться от смеха можно!

– Ну что, старушки – божьи одуванчики, к моему любимому курятнику пойдём? Или как? – поинтересовалась я, когда мы успешно справились со всеми делами и даже затолкали подальше смех, побоявшись, что он может перейти в истерический.

Вот чего мои подруги никогда не понимали, так это моей неудержимой тяге к вольерам с птицей.

К курятнику! Как однажды выразилась ехидная Танька. Да так это название с её лёгкой руки и прижилось. Даже я с ним смирилась. Хотя сначала очень активно возражала. Просто яростно. Но с Танькой спорить никаких сил не хватит! Так и осталось: курятник да курятник.

– После тёплой встречи с твоей родственницей твоя тяга к курятнику вполне объяснима, – не смолчала Танька, но идти согласилась.

Попробовала б она возражать, – злорадно подумала я. – Сегодня мой день, что хочу, то и делаю.

Но вслух говорить ничего не стала. Видимо, я ещё тоже была под впечатлением от встречи с Маринкой. Чем ещё объяснить совсем не свойственную мне молчаливость?!

Если по зоопарку я просто гуляла, то вольеры с птицей осматривала обстоятельно. Меня интересовало всё: повадки птиц, их внешний вид и рацион, оборудование места обитания. Не знаю почему, но находиться у вольеров с пернатыми я могла целый день, напрочь забыв о всяких слонах-носорогах.

Быстренько obeжав вольеры и убедившись, что мои любимые курочки-бентамки, брамы и кохинхины, фазаны и утки-мандаринки на месте, я начала обстоятельный обход.

Не пропустила никого: ни орлана, ни почти слепого днём и поэтому сидящего спокойно на ветке нахохлившегося филина, ни разных цветов фазанов с павлинами, ни курочек бентамок, ни крупную, спокойную браму, ни других обитателей птичьих вольеров. Волнистые попугайчики, чёрные и белые лебеди, дикие гуси-казарки – никто не был забыт. Всех провела и со всеми побеседовала «за жизнь». Даже у пруда посидела подольше, любуясь водоплавающими.

Подруги быстро махнули на меня рукой и вели свой разговор, не менее активный и содержательный.

Услышав внезапно Танькину реплику:

– А твой бывший, я слышала, преуспел в Америке, – я мгновенно наострила уши и даже забыла о любимом курятнике. А уж спокойный ответ Люськи:

– Да знаю я о нём, – и вовсе загнал меня в ступор. Правда, ненадолго.

– Знаешь и молчишь?! – воскликнула я, вскакивая с насиженного места, да видно переборщила с эмоциями, потому что подруги подпрыгнули, громко ойкнули и непонимающе уставились на меня.

– Тьфу! Мать твою! – первая пришла в себя Танька. – Мы тут шепчемся, как партизаны, чтоб не мешать тебе созерцать пернатых любимцев, а ты орёшь как резаная. Так и до инфаркта недалеко! Ну, прям вылитая твоя деревенская родня! Сразу видно – одни гены!

– Окстись! Какие гены! – возмутилась я. – Родня –то вовсе не моя, а мужа! И не уводи в сторону!

– Что вы там про вашего бывшего говорили? – с подхалимской интонацией произнесла я и всем корпусом повернулась к Люське.

Она невозмутимо посмотрела на меня:

– Да ничего особенного. Просто он теперь в Америке известный художник. И, кажется, довольно обеспечен.

– Не просто известный! – воскликнула Танька, бесцеремонно вклиниваясь в разговор. – Серёжка сказал, что он модный и очень богатый, и они собираются устроить ему выставку в родном городе и купить какую-то его картину, чтобы повесить в своём банке!

От всех этих новостей я слегка растерялась.

– А если вы всё это знаете, то почему я не знаю?! – подозрительно посмотрела я на подруг. – Это тайна такая или розыгрыш?

– Ни то и ни другое, – успокоила меня Люська. – Я сама только пару дней назад об этом узнала. Говорить не хотела. Ты ж так в зоопарк рвалась, не хотелось тебя отвлекать ничем посторонним.

– Это Игорь твой – посторонний?! – неприлично громко возмутилась я и даже не расстроилась по этому поводу, забыв, что я не уличная торговка, а вполне воспитанная молодая женщина. Вот что с нами делают непредвиденные обстоятельства и необдуманные слова закадычных подруг. – Может, и ваша общая дочь Иринка мне тоже посторонняя?!

Люська вздохнула. И даже замечания мне не сделала. Наверное, вспомнила, как мыкалась после развода с маленькой дочкой, когда ни времени, ни сил, ни денег... Как убегала я с лекций,

чтобы посидеть с девчонкой, пока она за копейки стрижёт народ в убогой забегаловке, громко именуемой парикмахерской. Да и много чего ещё можно было вспомнить...

Хотя и до развода мыкалась она точно так же. Игорь денег не приносил, всё чаще был слегка на взводе, проводил время с компанией других непризнанных гениев и очень мало интересовался тем, где его юная супруга берёт средства на оплату съёмной квартиры, немудрящие харчи, в основном – макароны, а потом и на пелёнки с распашонками.

Родители были у обоих (у Люськи – простые работяги, а у Игоря, по его же собственному выражению, – махровые интеллигенты), но с обеих сторон брак не был одобрен, поэтому настырные предки не стремились помогать молодым, а ждали, когда этот самый не нравящийся им брак распадётся под натиском житейских невзгод, и тогда уж они кинутся помогать (но никак не раньше!) каждый своему чаду.

Но молодые тоже были настырными (было в кого!). Люська к восемнадцати годам родила Ирину, Игорь написал её портрет, под названием «Девочка-весна». И так этот портрет был хорош, что я сразу простила Люське её неразумный, с моей точки зрения, выбор и слишком раннее замужество.

Игорь, несомненно, был талантлив. Это я поняла сразу. А таланты – они ведь такие, у них всё не как у людей. Со странностями они, таланты эти самые. И странности им простые смертные должны прощать.

Мы с Люськой были простыми смертными. И мы прощали. Люська – своего непутёвого, безденежного, вечно где-то пропадающего мужа, а я Люську – за её такой непрактичный выбор. Всё-таки выбрала она гения, талантливого до чёртиков, а он выбрал её. Значит, что-то же он в ней тоже разглядел?!

Что-то такое, чего не увидела я?! И он оказался прав! Люська тоже стала художником. Она создаёт свои полотна на чужих головах, неимоверно украшая эти самые чужие головы. Но об этом я уже говорила.

Все трудные годы мы были вместе. И только мне доподлинно известно, сколько слёз пролила подруга, сколько она работала (в любое время суток, были бы клиенты!), как трудно было ей растить дочь одной, как тяжело она продиралась к сегодняшнему благополучию...

Родителей своих она так и не простила до конца, от помощи их отказывалась и даже в родной дом после развода вернуться не желала.

Она и сейчас снимала квартиру. Не лачугу, как раньше, а очень даже приличную двухкомнатную квартиру с высокими потолками, с большими комнатами и просторной кухней. Теперь уже со вторым мужем она работала как ломовая лошадь, а своя собственная жилплощадь так и оставалась миражом, то приближаясь, то отдаляясь, и конца этому не было видно.

Напрасно Танька уговаривала её взять кредит, убеждала, что её муж с удовольствием в этом поможет, выступит или поручителем, или гарантом, или кто там ещё нужен, когда берёшь кредит в банке. Я не очень в этом разбиралась да и слушала всегда в пол-уха, заранее зная Люськин ответ.

Люська упиралась, не хотела ни от кого зависеть и твердила, что не одна дружба разлетелась вдребезги при вмешательстве денег, а Танька ей очень, очень дорога, почти так же, как и я, и она не хочет никого из нас терять. Она не на улице живёт. Квартира никуда не денется, осталось совсем чуть-чуть. И так из года в год. В конце концов, мы перестали затрагивать эту тему.

– Ты нам с Иришкой самая родная, – дотронулась до моей руки Люська, вырывая меня из воспоминаний и возвращая в сегодняшний день. – Никого роднее тебя у нас нет. Не считая Сашка, конечно.

– Может, и зря ты развелась, – подумала я вслух, пропустив последнюю её фразу мимо ушей. Вернее, мы их как-то одновременно произнесли, эти фразы.

– Нет, – качнула головой в ответ Люська. – Игорь талантливый, добрый, но бесхарактерный. Привык, что ему дома всегда потакали...

– Ну, не такой уж и бесхарактерный, – пожалала плечами Танька. – Женился ж он на тебе против воли родителей и даже из дома ушёл. А это поступок. Да ещё какой! И после развода не домой побежал, а..

– Оскорбился сильно, – заново всё переживала Люська. – Я ему тогда такого наговорила! Друзьями попрекала! Безденежьем! И что помощи по дому от него никакой, а я хоть разорвись! Хотя, когда дочка болела, он тоже с ней сидел. И не всё так плохо было. А мы целую неделю ругались! В основном, я, конечно. И потом мириться не стала, хотя он очень просил, и на развод сама подала... Не выдержала... Быт заел. Глупая была...

– Значит, – влезла Танька, – дипломатические отношения сторон были разорваны по твоей инициативе?

– Ну да. И слабаком его обозвала. И размазнёй! Это уж совсем последней каплей стало. Ушёл. Бросил мне напоследок: пожалеешь ещё! – и ушёл. Хлопнул дверью. Только и осталась на стене его «Девушка-весна» да альбом с фотографиями, – неслась дальше Люська.

– А Иришка?! – укоризненно посмотрела я на подругу. – Уж она-то точно ценнее, чем картина с твоим лицом.

– Слушай! – осенило меня. – Если он такой богатый и известный, то его картина теперь небось огромных денег стоит. А она у тебя просто на стене висит. В комнате! И без всякой охраны! Срочно неси её в банковский сейф! Или продай. Мало ли что?! А так хоть деньги останутся.

– Не ерунди, – остудила мой пыл Люська. Она уже и сама слегка остыла, и красные пятна, появившиеся на щеках, стали бледнеть, и речь стала гораздо спокойнее. – Никуда я её не понесу. И деньги мне не нужны. Своих в избытке.

Танька рассмеялась:

– А жизнь и вправду удалась! Да, девочки?! И день сегодня – чудо!

И тут!

Небо рухнуло на землю, и начался второй всемирный потоп.

За разговором и воспоминаниями мы не заметили, как наступили лёгкие летние сумерки, как тихо в сумерках прокралась к нам чёрная туча, угрожающе зависла над нами, разогнала всех посетителей, кроме нас, зазевавшихся, и только потоки воды да резкий удар грома смели нас со скамейки и заставили обратить внимание на окружающее.

Мы забежали в террариум вымокшие до нитки, но весёлые.

– Как удачно, Танюш, ты заметила про замечательный день. Прямо в точку попала. Особенно насчёт погоды, – пошутила я.

С нас текло, окружали нас исключительно змеи и другие ползучие гады, а мы весело таранились друг на друга, и улыбки до ушей разрезали наши лица пополам.

Дождь закончился быстро. И это было здорово, потому что, когда мы пришли в себя, соседство со змеями стало нас напрягать.

Погода на нашем Северо – западе не предсказуема. Может лить неделями или, наоборот, жаривать, как однажды в августе, когда горели торфяники вокруг города и в городе нечем было дышать, а уж рядом с горящим торфом и вовсе был ад кромешный. А ещё погода может меняться по три раза на дню, так что и не знаешь зонт с собой брать или шубу надевать.

Но сегодня (есть Бог на свете!) дождь оказался мимолётным гостем. И пусть за короткое время на нас вылилось небольшое море, и мы, пробираясь к выходу из зоопарка, плавали в этом море, набирая целые туфли воды, и с нас всё ещё текло, потому что негде было обсушиться, всё-таки прекрасно, что дождь закончился и на улице лето.

– Ой, девочки, радуга! Радуга над головой! И какая яркая! – закричала Люська, и мы дружно задрали головы к небу. – Давайте желания загадывать. Говорят, всё сбывается, что загадаешь.

– Знаете, – после минутного молчания и после того, как желания были загаданы, продолжила Люська, – я от радуги просто балдею. Почему-то с самого детства она меня завораживает. Кто-то от полной луны в прострацию впадает, а я вот от радуги. Всё о ней перечитала ещё в детстве. Помню, как удивилась, что это чудо творят свет и вода. Солнечный свет преломляется в капельке воды и получается чудо – радуга. Чем больше капельки воды, тем ярче радуга. Так просто. А помнишь, Маш, как в детстве порядок цветов радуги запоминали?! Ходили и твердили: Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан. И хохотали. Помнишь?

– Помню, – эхом отозвалась я на слова подруги и вздохнула. – Кажется, вчера всё было. А теперь, где оно, то детство золотое?!

– А я ещё помню, – снова заговорила Люська, – как прочитала, что древние славяне думали, что радуга пьёт воду из озёр и речек, а потом проливается эта вода на землю. Я всё думала, раз пьёт, значит, радуга живая, льёт воду на землю то из большого ковша – тогда ливень идёт, то из малюсенького – тогда мелкий дождик моросит. А когда закончится дождь, радуга и выглядывает, чтобы посмотреть, хорошо ли землю увлажнила и порадоваться на дело рук своих.

– Ты всегда была фантазёркой, – рассмеялась я, вспомнив, сколько всего интересного и фантастического выслушивала я от подружки в детстве. Рот у меня сам собой раскрывался, и слушать её я могла часами, чем она бессовестным образом и пользовалась. Сама я могла говорить только о том, что видела и слышала, или читала, а Люська на ходу из любого слова сочиняла рассказ. – Помню, как ты меня в связи с радугой Иридой задирала, только напрочь из головы вылетело, кто она такая и почему тебе непременно хотелось быть этой самой Иридой.

– Ну как же?! – встрепенулась Люська. – Неужели не помнишь?! Ирида в древнегреческой мифологии считалась посредницей между миром богов и миром людей, а радуга – это её дорога, по которой она с неба спускалась к людям.

– А я где-то слышала, – подхватила вдруг нашу болтовню Татьяна, – или читала, что в том месте, где радуга касается земли, можно найти клад.

Люська с уважением посмотрела на Таньку, даже от созерцания обожаемой радуги на мгновение оторвалась:

– Правильно. У африканских народов такое поверье существует.

– А я-то думаю, на какой почве мы сошлись, – радостно фыркнула я. – Оказывается, в одном мы точно похожи: наши головы набиты всем тем, что в наш прагматичный век не котируется.

– Ну и что, – ухмыльнулась Танька. – Пустая голова ещё хуже.

Тут уж мы все трое фыркнули дружно и радостно.

Представляю, как выглядели мы со стороны, фыркающие и с задранными вверх головами, но чувствовали мы себя вполне уютно.

А радуга была шикарной. Природа не поскупилась на краски. И мы смотрели и смотрели. И не могли оторвать глаз.

Смотрели до тех пор, пока не почувствовали, что шеи больше не держат головы и они сейчас отвалятся и покатятся по асфальту, а мы побежим следом и будем их ловить, и пытаться приставить их на место, и наперебой загадывать желания, одно чуднее другого, и хохотать, хохотать, окончательно впадая в детство.

И сумерки, как оказалось, вовсе не сумерки. Рано им было ещё наступать. И туча ушла за горизонт, спряталась. И небо высветлилось. И сверкало радугой, как дорогой парадной одеждой. И воздух наполнился озоном до самых краёв, до полного изнеможения. Дыши – не хочу! И мы дышали! Мы пили благодатный воздух и не могли им насытиться! И жизнь казалась прекрасной и неповторимой! И не просто казалась, она такую и была.

С такими замечательными мыслями (жизнь удалась, и погода – чудо!) мы вышагивали к выходу, занятые каждый своими мыслями.

Праздник, подаренный нам щедрой природой, оставил в душе стойкое ощущение радости. Эта радость заполнила нас до краёв, и мы бережно понесли её своим близким, поэтому разговаривать нам не хотелось, чтобы не спугнуть нечаянно неповторимые ощущения.

Мы уже мысленно были дома, вспоминали своих близких в уютных, тёплых квартирах, радовались, что и сами вскоре будем дома с ними, в тепле и уюте, когда на нас молча налетела Маринка, о которой мы напрочь успели забыть.

И так непривычен был её молчаливый вид, так страшен, что у меня душа ушла в пятки да так и осталась там, не смея высунуть носа наружу.

Мы резко остановились, и Татьяна почему-то шёпотом спросила:

– Что стряслось? Мать вашу...

– Там померший лежит, – трясась и заикаясь, сказала Маринка.

– Какой ещё померший? – не поняла Татьяна. – И где это – там?

– Там, – тыкала Маринка пальцем куда-то в сторону густых кустов. – Мы там под деревом от дождя спрятались. Сначала ничего, а потом посмотрим, а он лежит и не шевелится.

– Труп, что ли, нашли? – не поняла я.

Маринка с ужасом поглядела на меня и шарахнулась в сторону.

– Нам на автобус надо, а то не поспеем. А он лежит. И надо ж милицию звать. А у нас телефона нет. И долго ж это всё. А мамка шкуру, сказала, с меня спустит, если я с пацанами по ночам валандаться буду, – зачастила она без передышки. – И мне домой. На автобус. А он лежит...

– Показывай, что вы там нашли, – схватила я её за руку. – И не трясись. Может, там ещё один любитель пива.

– Не-е-е, – замотала головой Маринка. – Гроза ж была. Ливень какой. Ужас! Как громыхнёт! А я как завизжу. Страсть грозы боюсь. Дома завсегда под одеяло лезу. А он – хоп хны.

– Чего? – не поняла Танька. – Что он сделал?

– Да ничего он не сделал! – заголосила Маринка. – Я ж говорю – померший он! Лежит! Что он может сделать, когда он померший насовсем?! Лежит вон тока и всё!

– Тихо! – оборвала я её вой. – Идём.

И потащила за руку, потому что идти с нами девчонке явно не хотелось. Она только пальцем молча тыкала в нужном направлении и тормозила, как могла, и тащилась за мной только потому, что я её не отпускала, а волокла, словно буксир тяжело гружёную баржу.

Место происшествия мы нашли бы и сами, потому что пацаны, с которыми ей мамка не велела валандаться по ночам (а днём, значит, можно?!), плотной группой стояли у этих самых кустов, где лежал и не шевелился «насовсем померший».

Мы остановились рядом.

– Ну что там у вас? – недовольно спросила я.

– Не шевелится, – сказал один из пацанов.

– Пульс щупали? – зачем-то поинтересовалась я, хотя и без вопросов было всё ясно.

– Не-а, – опять ответил кто-то из толпы. – Мы в кино про ментов видели, что место преступления затапывать нельзя, а то ещё могут и на тебя повесить всю эту морочу. Доказывай тогда, что ты не верблюд.

– Грамотные. Только с чего вы решили, что здесь преступление?! Может, человеку плохо стало или с сердцем что? – усмехнулась Танька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.